ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 20 Понедѣльникъ, 6 (19) іюня 1905 г. № 20

Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ.

Раннею весной 1886 года, на Ѳоминой недѣлѣ, въ монументальныя ворота Яснополянскаго парка входили два странника, въ лаптяхъ и съ котомками на спинахъ. Оба бодрые, оба веселые, съ загорѣлыми отъ солнца и вѣтра лицами, дышавшими откровенностью и радостнымъ сознаніемъ хорошо исполненной работы. Одинъ изъ этихъ странниковъ былъ Левъ Николаевичъ, а другой молодой Ге. — Шесть дней тому назадъ они вышли изъ Москвы и по большой Кіевской дорогѣ сдѣлали за эти дни 200 верстъ.

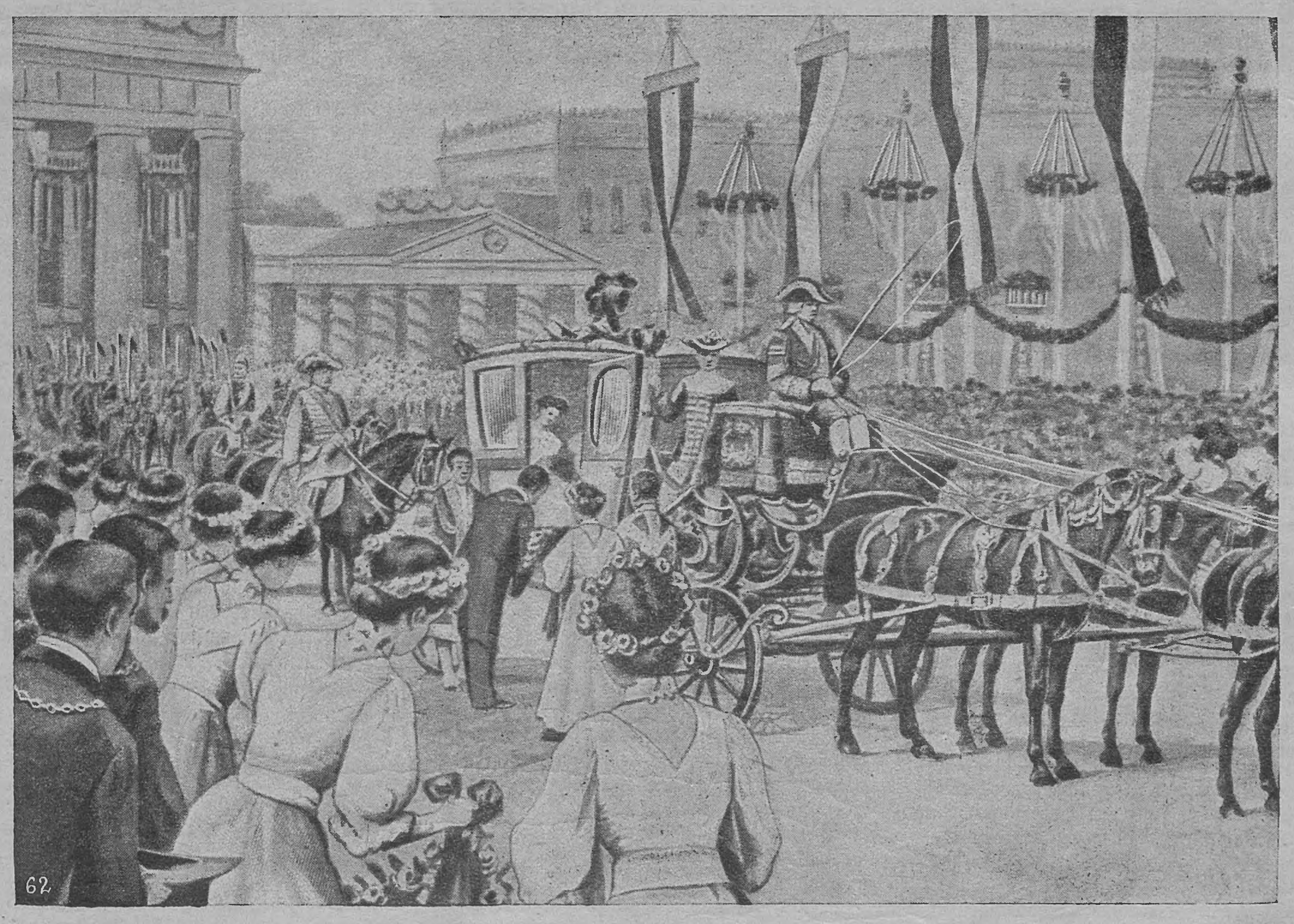
Левъ Николаевичъ былъ безконечно радъ этому путешествію и дома, разоблачаясь, наскоро дѣлился впечатлѣніями дороги.

— Такъ хорошо, такъ хорошо,—говорилъ онъ,—какъ никогда не испытывалъ.

Въ этой тратѣ силъ и трудности пути есть что-то приближающее къ огромному, властному. И то, что народъ кругомъ, и ты такой же, какъ они, спишь, ѣшь, говоришь съ ними,— это еще болѣе даетъ чувствовать то властное и огромное, которое видно, какъ въ окошечкѣ, въ каждомъ изъ этихъ простыхъ людей. Оттого-то общеніе съ ними такъ радостно и поучительно.

Ахъ, какой хорошій разсказъ я слышалъ о Николаевскихъ временахъ. Столѣтній, шамкающій милый старичекъ, лежа на печи со мною, въ деревнѣ подъ Серпуховомъ, съ такой художественной яркостью передалъ ужасы той страшной эпохи, кончикъ которой и мнѣ пришлось видѣть. Тогда на 50 палокъ и портовъ не снимали,—разсказывалъ старичекъ. Недѣли не проходило, чтобы не забивали насмерть человѣка-двухъ изъ полка. Бывало, только слышишь: палка, палка!.. И сыпали 200, 300 и больше. Да!.. Если Богъ приведетъ, я изложу это въ доступной формѣ, хотя страшно боюсь сбиться здѣсь на старую манеру писанья для интеллигентной публики.— Сколько разъ я говорилъ себѣ: — „Вотъ это будетъ мое послѣднее писаніе для „общества", потому что пора же, наконецъ, намъ, пишущимъ, понять, кто, главнымъ образомъ, нуждается въ нашей работѣ и кто вправѣ требовать отъ насъ ея",—говорилъ и не выдерживалъ. Такъ говорилъ я послѣ „Холстомѣра", „Смерти Ивана Ильича", „Такъ, что-жъ намъ дѣлать!"—и все, нѣтъ-нѣтъ, да и сверну на привычную тропочку и заговорю не съ тѣмъ, съ кѣмъ надо говорить, и не такъ, какъ надо говорить.

— Вотъ мы прошли сейчасъ большое разстояніе и видѣли тысячи людей, говорили съ сотнями, близко бесѣдовали съ десятками,—и пусть скажетъ Колечка (Ге), какъ свободно, ясно и гибко выражали они всѣ свои мысли обо всемъ, о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, а мы жались, придумывали слова, подражали имъ и вообще чувствовали себя дѣтьми, какъ оно въ дѣйствительности и есть. Они наши старшіе, а мы ихъ меньшіе братья. Это необходимо твердо помнить. И покуда не сдѣлается у насъ эта перестановка взгляда, эта перемѣна оцѣнки того, кто хозяинъ и

Свадебныя празднества въ Берлинѣ. — Торжественный въѣздъ въ столицу невѣсты германскаго кронпринца, герцогини Цециліи Мекленбургъ-Шверинской, 3-го іюня (н. ст.).
Бургомистръ Берлина привѣтствуетъ герцогиню у Бранденбургскихъ воротъ.
Съ наброска корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

кто слуга,—жизнь наша не пойдетъ по пути единенія и работы для народа. Мы все въ высокомѣріи своемъ будемъ тянуть ихъ къ себѣ, какъ тотъ сказочный умникъ, который тащилъ корову за рога на крышу мохъ покушать, — и, обманывая и обирая народъ, будемъ жить, вырождаясь, и потонемъ въ своей собственной лжи и гадости.

Черезъ три дня былъ готовъ сильный, весьма многимъ извѣстный, художественный очеркъ эпохи Императора Николая Павловича.

Помню потомъ, когда этотъ очеркъ былъ отгектографированъ и выпущенъ въ свѣтъ однимъ изъ друзей Л. Н—ча, изданіе было конфисковано, а издатель посаженъ въ тюрьму. Тогда Л. Н., мучимый совѣстью, пришелъ къ жандармскому генералу въ Москвѣ и просилъ его отпустить издателя, а посадить въ тюрьму его, Льва Николаевича, потому что онъ въ этомъ виноватъ; онъ желалъ издать эту вещь. Генералъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Ваша литературная слава, графъ, такъ широка, что она не можетъ влѣзть въ узкія ворота тюрьмы.

Вскорѣ же былъ выпущенъ и издатель.

И. Тенеромо.

Талантливый неудачникъ.

Героизмъ народа не воспитывается въ клѣткахъ-застѣнкахъ, отвага и мужество не культивируется въ школахъ-оранжереяхъ, таланты не дрессируются по указкѣ, не усыпляется мысль наркотикой приказаній по усмотрѣнію начальства.

Предъ нами характерный образецъ прошлаго, краткая автобіографическая повѣсть о путешествіи по русскому закрытому морю одного утлаго челна.

Путешествіе В. В. Берви очень назидательно во всѣхъ отношеніяхъ.

Первый этапъ—Казань. Казанскій университетъ и конецъ сороковыхъ годовъ. Предъ нами студентъ, по аттестаціи профессоровъ, „выдающихся способностей". Двадцать лѣтъ на плечахъ и командировка въ „числѣ избранныхъ" въ Петербургъ. Департаментъ, служба, вдали—карьерное благополучіе. Способности молодого чиновника аттестованы начальствомъ. Директору департамента, однако, не совсѣмъ понравились либеральные взгляды подчиненнаго. За неуваженіе къ родственникамъ директора, за нежеланіе гнуть спину передъ ними, директоръ не давалъ ходу способному, но „либеральному" подчиненному. Проходятъ годы. Одна изъ статей Берви въ „Журналѣ Министерства Юстиціи" привлекаетъ благосклонное вниманіе министра. Автору поручается составить проектъ преобразованія министерства. Проектъ составленъ, но оказался слишкомъ радикальнымъ даже для эпохи великихъ реформъ.

Служебная карьера Берви кончается. На чашахъ служебныхъ вѣсовъ либерализмъ и радикализмъ перевѣсили „выдающіяся способности". При нашей нетерпимости къ политическимъ убѣжденіямъ такъ оно и должно было быть.

Въ средѣ бюрократіи, даже воодушевленной преобразованіями, Берви было душно. Манила болѣе широкая, сильная дѣятельность. Арена публицистики, профессура. И опять: радикализмъ, либерализмъ.

Выдающуюся научную силу „прячутъ". Вмѣсто поѣздки съ научной цѣлью въ Гейдельбергъ—одиночка, ссылка. Бывшій чиновникъ, публицистъ и ученый становится опаснымъ. Онъ „политическій агитаторъ".

Далѣе нѣчто совсѣмъ несуразное: аресты и ссылки, высылки и освобожденія, и снова ссылки. Подневольныя путешествія на сѣверъ Россіи и въ Сибирь. И такъ въ теченіе двадцати восьми лѣтъ съ перерывами отъ года до мѣсяца, по поводу и безъ повода. Жизнь странника, томительное прозябаніе вдали отъ научныхъ центровъ и неустанная литературная работа.

Въ свое время имя Берви или, вѣрнѣе, его литературный псевдонимъ—Н. Флеровскій—были хорошо извѣстны среди серьезнаго читающаго круга. Его книги, созданные въ глуши изгнанья: „Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати", „Положеніе рабочаго класса въ Россіи", выдержали нѣсколько изданій, породили большой спросъ.

Съ послѣдней изъ отмѣченныхъ работъ Н. Флеровскаго получился чисто россійскій анекдотъ.

Второе изданіе ея было запрещено, хотя и заключало то же, что и первое.

Еще печальнѣе судьба работы того же автора: „Азбука соціальныхъ наукъ".

Лишь только она вышла, какъ навела на администрацію нѣчто вродѣ ужаса. Тогда, чтобы запретить подобную книгу, требовалось обвиненіе ея въ судѣ. Въ прокуратуру послано было обвиненіе въ великомъ преступленіи. Но, увы, прокуратура не только великаго, но никакого преступленія въ книгѣ не усмотрѣла.

„Ужасъ былъ наведенъ изложеніемъ тогда совершенно неизвѣстныхъ въ Россіи организацій, которыми китайцы противодѣйствовали злоупотребленіямъ чиновниковъ и свергали негодныя династіи. Что въ этомъ нѣтъ преступленія, видно изъ того, что въ настоящее время объ этомъ пишется у насъ совершенно безпрепятственно. Однако же, потерпѣвъ неудачу въ прокуратурѣ, жандармы явились въ магазинъ Черкасова на Невскомъ, гдѣ былъ складъ. Тамъ они нашли лишь ничтожное количество экземпляровъ. Чрезъ посредство организаціи все уже было продано".

Это,—разсказываетъ въ своей автобіографіи Берви,—привело ихъ въ бѣшенство. („Русская Мысль", май 1905 г.).

За переводъ книги Лассаля „Теорія пріобрѣтенныхъ правъ" поплатился издатель и переводчикъ. У издателя былъ произведенъ арестъ книгъ и, въ томъ числѣ, рукопись перевода.

Жить въ ссылкѣ Берви приходилось только литературнымъ трудомъ.

Далѣе новая эпопея. Въ Нижнемъ новый арестъ и заключеніе.

Осенью Берви былъ арестованъ и долго просидѣлъ въ Петербургѣ и Москвѣ. „Мое заключеніе возмущало и прокурора судебной палаты, и производящихъ слѣдствіе ея членовъ. Они единогласно отрицали мою виновность. Шефъ жандармовъ жаловался сенату, но сенатъ согласился съ прокуратурой, такъ что ему не удалось посадить меня на скамью подсудимыхъ. Зато же онъ безпрепятственно выслалъ меня административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію. Я и дѣйствительно не совершилъ никакого преступленія. Жандармы обвиняли меня въ томъ, что я своимъ воззваніемъ вызвалъ такъ называвшееся тогда хожденіе въ народъ и распространявшіяся тогда книжки. Они старались удалить мое вліяніе. А между тѣмъ, если бы они этого не дѣлали, они поступили бы гораздо благоразумнѣе. То конституціонное движеніе въ народѣ, которое начинается только теперь, началось бы уже тогда. Мы не дошли бы до такого упадка, что японцы громятъ насъ съ такою же легкостью, съ какою громили китайцевъ".

Въ 1881 году невозможность продолжать литературную дѣятельность при существовавшихъ условіяхъ обозначилась ясно: вся работа пропадала даромъ. Цензура стерегла каждую строку. Пришлось хлопотать о мѣстѣ. Но положить перо литератору значитъ болѣе, чѣмъ военному сложить оружіе.

Работать въ Россіи было невозможно. Берви тянуло за границу, чтобы, тамъ отдохнувъ, засѣсть за новую работу.

Женева, Лондонъ, Берлинъ и снова Россія и, какъ тихая пристань для изломаннаго бурями пловца, мѣсто на 50 р. въ мѣсяцъ въ Юзовкѣ по протекціи... сына. Такъ русскій литераторъ на склонѣ лѣтъ, глухой на лѣвое ухо и слѣпой на правый глазъ, находитъ свой пріютъ...

И въ этомъ пріютѣ—больной и полузабытый старецъ набирается силъ и энергіи для работы, оканчивая свой тридцатилѣтній трудъ, посвященный вопросу „научной этики". Этика, по его мнѣнію, должна быть основана не на чувствѣ и не на инстинктѣ, а на пониманіи природныхъ основныхъ условій жизни и развитія животныхъ вообще и человѣка въ особенности. Въ 1904 г. появляется „критика основныхъ идей естествознанія" Н. Флеровскаго.

Такова жизнь Берви, таковы условія работы Н. Флеровскаго. Теперь позволительно задать вопросъ: сколько же силъ ушло попусту, загублено зря, какой огромный ихъ запасъ имѣлъ человѣкъ, не погнувшійся подъ тяжестью жизненнаго креста. Но грустной безнадежностью звучатъ заключительныя строки автобіографіи:

„Въ настоящее время во мнѣ есть много матеріала, который просится наружу, въ особенности для того, чтобы работать для созданія научной этики. Тутъ мнѣ придется начать съ исторіи развитія и упадка цивилизаціи, о которой я написалъ только нѣсколько страницъ въ критикѣ основныхъ идей естествознанія. Прочное основаніе для своихъ идей я закладывалъ тогда, когда имѣлъ въ своемъ распоряженіи обширныя книгохранилища съ ихъ запрещенными книгами.

„Въ Петербургѣ я имѣлъ въ своемъ распоряженіи двѣ такихъ библіотеки: публичную и еще другую и третью съ рѣдкими книгами. Въ Лондонѣ я три года работалъ въ британскомъ музеѣ съ его двумя миллионами книгъ, тамъ всѣ въ Россіи и т. д. запрещенныя книги дозволены. Я не имѣю ни малѣйшей надежды жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы я могъ распоряжаться такимъ книгохранилищемъ и гдѣ бы я имѣлъ достаточно средствъ и свободнаго времени, чтобы закончить свое творчество. Поэтому мнѣ остается доживать свой вѣкъ безъ надежды и упованій".

Родная-ли мать или мачеха наша дѣйствительность по отношенію къ русскимъ талантливымъ людямъ?...

Ник. Носковъ.

„Пещерный художникъ".

(У Ф. П. Реймана).

Въ Москвѣ создается замѣчательный, второй въ мірѣ послѣ Берлинскаго—музей. Это археологическій музей для профессоровъ исторіи искусствъ при московскомъ университетѣ. Весь необходимый матеріалъ будетъ у нихъ подъ руками. Лучшія репродукціи со всѣхъ выдающихся галлерейныхъ картинъ всѣхъ странъ и школъ. Слѣпки со статуй и—

это самое главное, по трудности задачи—акварельныя копіи съ христіанскихъ фресокъ римскихъ катакомбъ.

Авторъ этихъ трехсотъ акварелей—русскій художникъ, живущій постоянно въ Римѣ—Ф. П. Рейманъ.

Трудъ Реймана—скромный, не показной, но трудъ необычайно полезный и вмѣстѣ гигантскій. Фрески катакомбъ гибнутъ съ каждымъ годомъ. Еще десятокъ-другой лѣтъ и эти реликвіи первыхъ вѣковъ христіанства—исчезнутъ совершенно. Фотографировать ихъ невозможно. Темно, тѣсно, узко. Оставалась живопись, живопись на мѣстѣ. Но это почти невозможно. И художники ограничивались работой „по впечатлѣнію". Въ результатѣ—Богъ знаетъ что. Нѣсколько жалкихъ набросковъ. Вмѣсто Пречистой Дѣвы например,—какія-то разжирѣвшія великорусскія кормилицы съ проборомъ во весь черепъ.

И такъ продолжалось до тѣхъ поръ—пока за этотъ буквально каторжный трудъ не взялся Рейманъ. Тяжелой цѣной дались ему триста прекрасныхъ акварелей—копій. Двѣнадцать лѣтъ въ полномъ значеніи слова пещерной жизни въ катакомбахъ, ужасный ревматизмъ и перспектива ослѣпнуть совершенно.

Вкладъ, сдѣланный имъ въ искусство и археологію, — нельзя даже приблизительно оцѣнить по заслугамъ—такъ онъ великъ. Нигдѣ ни у кого не будетъ подобныхъ копій, кромѣ Россіи.

Я познакомился съ Рейманомъ, и онъ разсказалъ мнѣ свои пещерныя впечатлѣнія. Глядя на тоненькаго хрупкаго Федора Петровича, удивляешься, какъ не слышали о немъ совершенно. Двѣнадцать лѣтъ подвижничества, настоящаго подвижничества во имя искусства и любви къ родинѣ! Матеріальныхъ выгодъ онъ не имѣлъ къ сожалѣнію, никакихъ и труды его оплачивались самымъ скуднымъ образомъ, только, только обезпечивающимъ существованіе. А вѣдь, работая картины, вообще, и продавая ихъ,—онъ выручалъ гораздо больше. Катакомбы же отняли у него всякую возможность создавать что-либо на протяженіи почти четверти средней человѣческой жизни.

Мастерская художника—на Via Sistina 123, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жилъ когда-то Гоголь. На фронтонѣ въ память геніальнаго писателя, изваянъ барельефъ его. Это старый очень старый домъ. Все тяжело, массивно, все обѣщаетъ еще долго бороться съ временемъ. Толстыя стѣны, кованыя желѣзомъ двери съ гигантскими ключами, рѣшетчатыя оконца, въ которыя просится сочная густая зелень заросшаго сада.

Былая квартира Гоголя передѣлана, перестроена, и надъ ней высится новый этажъ.

Рейманъ — чрезвычайно симпатичный и скромный, до застѣнчивости скромный человѣкъ. Все стѣснялся говорить о себѣ. Но я убѣдилъ его.

— Вы сдѣлали такое большое культурное дѣло для Россіи, для искусства, для исторіи—вы не въ правѣ молчать...

Художникъ показалъ мнѣ три акварели, еще не отосланныхъ въ Москву. Нельзя скопировать лучше и точнѣе этихъ наивныхъ людей въ аскетическихъ драпировкахъ, этихъ кривобокихъ дѣтей и женскихъ головокъ, окруженныхъ цвѣтами,—символическое толкованіе рая. Каждый гибнущій отъ подземной сырости мазокъ, каждая отвалившаяся частица извести—все передано съ математической вѣрностью. Единственные въ свѣтѣ точнѣйшіе „документы" римскихъ катакомбъ.

Правительство знало и знаетъ о двѣнадцатилѣтней добровольной каторгѣ Реймана. Вы, конечно, подумаете, что оно постаралось облегчить его насколько возможно. Снабдило необходимой прислугой, переноснымъ электричествомъ. Катакомбы далеко за городомъ,—Рейману была предложена квартира около, заботились объ его продовольствіи. Думая такъ,—вы ошибетесь. Вы плохо знаете русское правительство, равнодушнѣйшее къ искусству и вопросамъ его.

Послушайте лучше самого Реймана:

— „Въ понедѣльникъ утромъ я уѣзжалъ изъ Рима въ катакомбы и возвращался въ субботу вечеромъ. Шесть дней въ недѣлю я не видѣлъ дневного свѣта, никакого свѣта, кромѣ своей лампочки. Ночевалъ въ окрестныхъ лачугахъ—гостиницъ тамъ нѣтъ. Питался взятымъ изъ города запасомъ колбасы, ветчины и хлѣба. Достать тамъ тоже ничего невозможно. Утромъ я спускаюсь съ ящикомъ и лампочкой, захлопывалась дверь, и весь день я одинъ, одинешенекъ подъ землею. Могилы, могилы на протяженіи десятковъ верстъ мудренаго лабиринта! Хорошо, еще, что я изучилъ дорогу. Приходилось, держа лампочку изслѣдовать стѣны и съ трудомъ — недаромъ я испортилъ зрѣніе — угадывать изъѣденную сыростью живопись. Въ этихъ исканіяхъ проходили цѣлые часы... Тихо, могильно тихо. Мнѣ казалось, что я въ другомъ совершенно мірѣ. Да, такъ было и на самомъ дѣлѣ. Слухъ мой изощрился до того, что я слышалъ, какъ ползетъ паукъ. И я радовался присутствію живого существа. По временамъ надъ головою грохотала тяжелая карроцеза. Но этотъ шумъ не радовалъ меня. Могъ случиться—что бывало нерѣдко въ катакомбахъ—обвалъ, и еслибъ не задавило меня самого,—преградился бы путь къ выходу. Перспектива быть заживо погребеннымъ. Вѣдь провалилась же разъ въ катакомбы корова съ цѣлыми пластами почвы. Провалилась въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я долженъ былъ на другой день работать.

— Кромѣ того,—мало-ли случайностей,—ваша лампочка могла разбиться, спички всѣ вышли,—что же тогда?

— Тогда совсѣмъ скверно. Безъ огня выбраться невозможно. Сиди въ кромѣшной тьмѣ и жди либо голодной смерти,—запасъ пищи у меня всегда небольшой—на день,—либо надѣйся, что тебя вспомнятъ. Разъ про меня забыли, заперли, и я провелъ въ катакомбахъ ночь—версты за три до выхода. Заперли, такимъ образомъ, какъ-то двухъ заблудившихся въ лабиринтѣ семинаристовъ. Вспомнили о нихъ товарищи чуть-ли не на третій день. Пошли выручать,—нашли обоихъ,—сидятъ въ темнотѣ, прижавшись другъ къ другу. Одинъ былъ такъ потрясенъ, что, кажется, сошелъ съ ума... Хороши тоже проводники-монахи. Одинъ завелъ туриста въ самую глубь,—потушилъ свѣчу, а самъ спрятался. Тотъ ни живъ, ни мертвъ. Кричитъ, зоветъ, умоляетъ—не откликается монахъ. Только черезъ часъ явился.—„Я пошутилъ" —говоритъ.

— А, ты пошутилъ!—кричитъ озвѣрѣвшій отъ страха туристъ и—мужчина здоровенный—схватилъ его за шиворотъ.

— Погибать, такъ вмѣстѣ! Веди меня на воздухъ...

Такъ и притащилъ его за шиворотъ къ настоятелю. Монахъ—бацъ въ ноги—прощенія запросилъ...

Въ концѣ-концовъ, Рейманъ привыкъ къ своимъ катакомбамъ, какъ привыкаетъ арестантъ къ своей камерѣ.

— Бывало,—вернусь поздно вечеромъ въ лачугу. Скучно, мизерно, говорить не съ кѣмъ. Беру ключъ,—иногда я получалъ ключъ,—и возвращаюсь въ катакомбы. Брожу, изучаю надписи и цѣликомъ переношусь въ эпоху мучениковъ за вѣру—тутъ-же гробницы ихъ.

Вотъ условія, при которыхъ Рейманъ работалъ двѣнадцать лѣтъ и написалъ триста акварелей, мастерски законченныхъ. Никто не повѣритъ, что писались онѣ въ полупотемкахъ узенькихъ—едва пройти человѣку—пещеръ. И онъ продолжалъ бы еще, но нѣтъ средствъ. Тѣмъ болѣе, надо лѣчить каждое лѣто застуженныя ревматизмомъ ноги. Не уберегся художникъ отъ ревматизма, хотя, работая, одѣвался во все теплое, закупориваясь какъ водолазъ.

Но этимъ не ограничивается его видная, почтенная роль въ созиданіи новаго музея. Подъ зданіемъ будутъ вырыты катакомбы—точное воспроизведеніе нѣкоторыхъ частей катакомбъ римскихъ. Для полной, дающей иллюзію вѣрности, Рейманъ на известковыхъ плитахъ повторитъ рядъ фресокъ и этими плитами облицуются стѣны катакомбъ московскихъ.

Показалъ мнѣ художникъ альбомъ съ фотографіями многихъ его „пещерныхъ" работъ. Любопытно, что христіане первыхъ вѣковъ изображали Христа безбородымъ, похожимъ на римскаго сенатора. Только въ четвертомъ вѣкѣ появляется уже у него борода. Вмѣстѣ съ упадкомъ стѣнной живописи, Богоматерь же первыхъ вѣковъ и по рисунку, и по композиціи—совсѣмъ Мадонна художниковъ итальянскаго Ренессанса. Вотъ у кого, у мастеровъ зари христіанства, а не у византійцевъ слѣдуетъ „черпать вдохновеніе" нашимъ иконописцамъ. Итальянскій интимный жанръ и пейзажъ—так во, главнымъ образомъ, творчество Реймана, не пещернаго, а подземнаго съ Via Sistina. Во всемъ чувствуется много изучавшій мастеръ, изысканный колоритъ, строгій рисунокъ.

Уроженецъ Дерпта, Рейманъ учился живописи сначала въ Петербургѣ, затѣмъ въ Парижѣ и Римѣ. Въ Римѣ онъ живетъ больше тридцати лѣтъ. Онъ былъ близокъ съ Бронниковымъ, Семирадскимъ, Рацнони. Почти на его глазахъ Рацнони и застрѣлился.

Доброй любящей нянькой былъ Рейманъ для многихъ русскихъ пенсіонеровъ, что пріѣзжали въ Римъ, неопытные, молодые, безъ языка и знанія жизни.

Спросите о Рейманѣ Харламова, Порфирова, Беклемишева, Бернштама—всѣ въ одинъ голосъ:

— Рѣдкій человѣкъ и товарищъ...

Брешко-Брешковскій.

Римъ.

Женскій вопросъ въ Японіи.

Когда, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, пруссаки разгромили полицейско-бюрократическій режимъ Наполеона III-го, весь міръ облетѣли „крылатыя слова": французовъ побѣдилъ „нѣмецкій школьный учитель".

Едва-ли не съ большимъ еще основаніемъ можно сказать въ настоящее время, что блестящими побѣдами своими надъ русскою арміей и русскимъ флотомъ японцы обязаны своимъ женщинамъ.

Бюрократическій строй Россіи побѣдила японская женщина.

Женское освободительное движеніе не преминетъ почерпнуть новую силу въ убѣдительномъ примѣрѣ Японіи, поразившей весь міръ своими успѣхами, какъ только японская женщина приложилась къ общему культурному возрожденію своей страны, стряхнувшей съ себя вѣковую спячку.

Давно уже прошли тѣ времена, когда японскія женщины жили затворницами во внутреннихъ помѣщеніяхъ своихъ домовъ, ограничиваясь ролью заботливыхъ супругъ, матерей и хозяекъ. Женское образованіе своди-

лось лишь къ усовершенствованію въ эстетикѣ, не выходя изъ сравнительно тѣсныхъ рамокъ музыки и пѣнія, литературы и поэзіи, ухода за цвѣтами и изученія пріятныхъ манеръ. Забота о внѣшнемъ изяществѣ перестала привлекать къ себѣ исключительное вниманіе островитянокъ Дальняго Востока. Теперь онѣ нерѣдко выступаютъ самостоятельно на поприще общественной жизни и не безъ успѣха соперничаютъ съ господствующимъ поломъ.

Передъ началомъ и по окончаніи школьныхъ занятій, японскія улицы переполняются веселыми группами ученицъ, оживленно бесѣдующихъ между собою. Книги свои онѣ носятъ завернутыми въ платокъ; кромѣ того, узнать ихъ нетрудно по темной красновато-коричневой накидкѣ, перевязанной лентами поверхъ главнаго одѣянія, „кимоно".

Накидки эти принято носить издавна. Вліяніе современности на одежду японскихъ дѣвушекъ - подростковъ сказалось въ общепринятой модѣ носить кожаныя полусапожки или туфли, митенки и заплетать волосы въ одну толстую косу. Шляпъ японскія дѣвушки почти не носятъ,—зато рѣдко случается видѣть ихъ безъ зонтика европейской формы, но самаго дешеваго качества.

Адмиралъ Энквистъ. Адмиралъ Фелькерзамъ. Адмиралъ Рожественскій.

Три адмирала.

Что же выходитъ изъ этого жизнерадостнаго молодого женскаго поколѣнія?

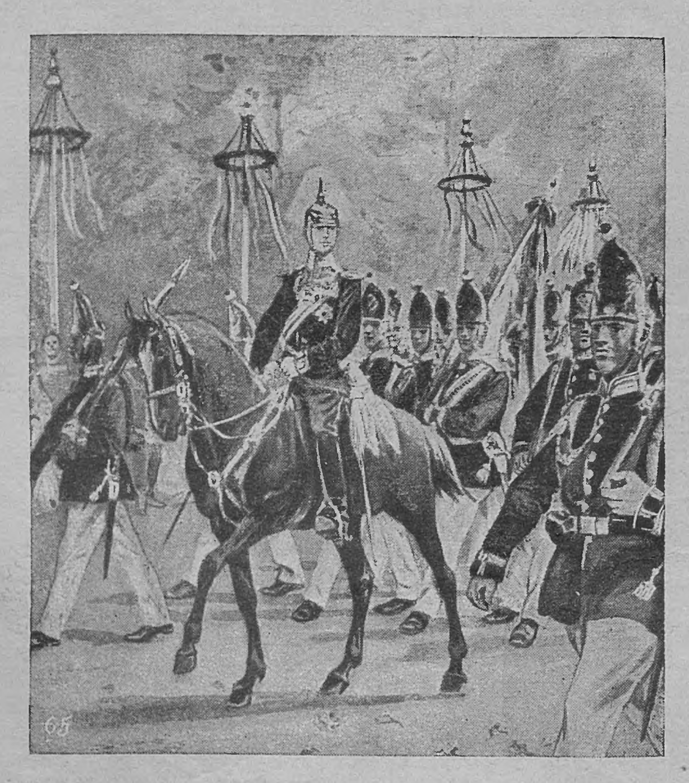
Какія области дѣятельности и труда раскрыты передъ этою половиною японской учащейся молодежи?

Раньше, чѣмъ дать отвѣтъ на эти вопросы, очертимъ въ нѣсколькихъ словахъ общее положеніе женщинъ въ Японіи.

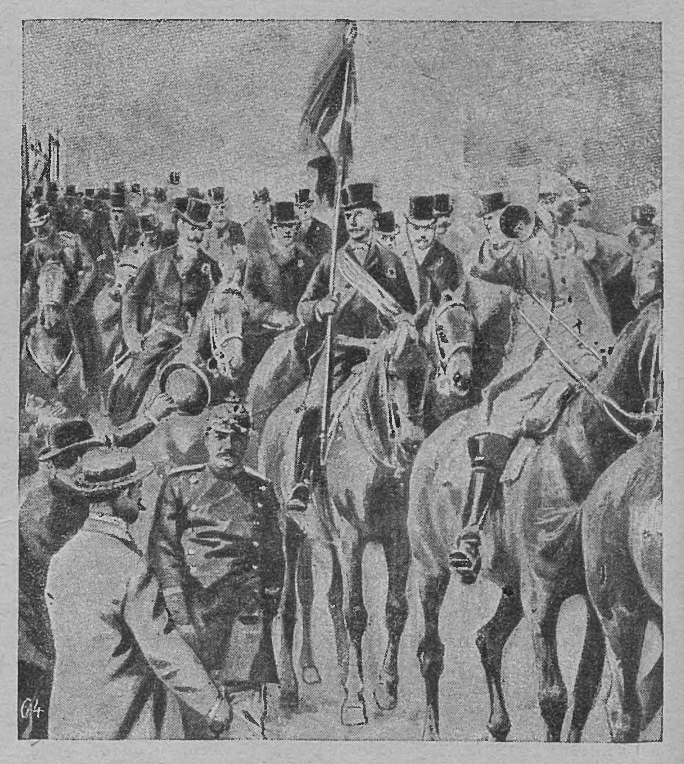
* * *

Въ дореформенной Японіи не было того, что мы называемъ „женскимъ вопросомъ". Единственное предназначеніе женщины состояло въ томъ, чтобы выйти или, вѣрнѣе говоря, быть выданной замужъ. Женщины считались существами низшаго разряда, созданными служить мужчинѣ.

Японскій моралистъ Каибара пишетъ, что древніе японцы имѣли обыкновеніе класть новорожденныхъ дѣвочекъ на землю и держать ихъ въ такомъ положеніи трое сутокъ. Смыслъ этой наивной метафоры означалъ, что женщина по природѣ своей родственна низменной землѣ,—тогда какъ японецъ-мужчина считалъ себя

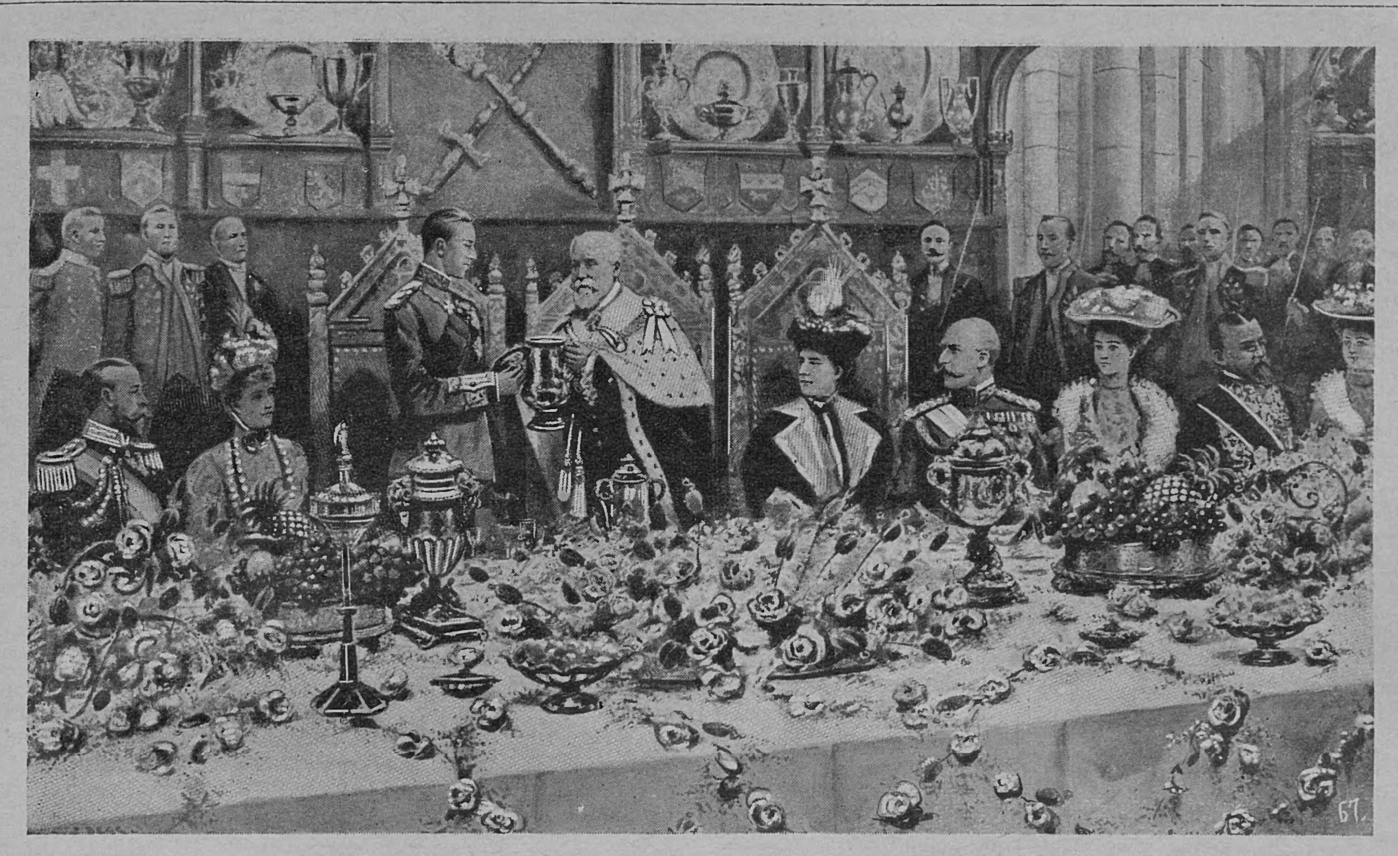
Германскій кронпринцъ ведетъ своихъ гвардейцевъ въ королевскій замокъ для исполненія обязанностей почетнаго караула.

Торжественная процессія во время въѣзда герцогини Цециліи. Корпорація берлинскихъ мясниковъ, участвующая въ процессіи.

Свадебныя празднества въ Берлинѣ.

Съ набросковъ корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Испанскій король. Лордъ-мэръ.

Лондонскій лордъ-мэръ привѣтствуетъ короля Альфонса на оффиціальномъ завтракѣ въ честь короля.

въ нѣкоторомъ родѣ болѣе приближеннымъ къ небу.

Тотъ же мудрецъ излагаетъ житейскія наставленія японскимъ женщинамъ, имѣющія близкое сходство съ моралью нашего стариннаго „Домостроя". Отъ женщины требовалось въ древней Японіи, чтобы она, вопервыхъ, всячески услаждала жизнь своему повелителю—мужчинѣ. Ей внушали съ дѣтства, что она должна быть кроткой, ласковой, терпѣливой; предписывали не гордиться своими достоинствами и переносить домашнее иго съ предупредительною улыбкой. Каибара вмѣняетъ женщинѣ „тройной" долгъ повиновенія. Въ дѣтствѣ обязана она повиноваться своему

Въ тылу арміи.—Привалъ на одной станціи Сибирской дороги.
Съ наброска корреспондента Вудвиля, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

отцу, въ супружествѣ—своему мужу и, сдѣлавшись вдовою,—старшему изъ своихъ сыновей.

Мудрецъ этотъ, принадлежавшій къ послѣдователямъ Конфуція, жилъ въ семнадцатомъ вѣкѣ; ученіе его оставило до сихъ поръ глубокіе слѣды въ нравахъ японскаго народа. Когда, напримѣръ, „великій философъ изъ Мнка", Фукуцава, реорганизаторъ японской умственной жизни, издалъ въ 1899 г. подражаніе сочиненію Кайбары, направивъ, однако, свои наставленія къ совершенно противоположной цѣли, т. е. къ развитію въ „современной японкѣ" самостоятельности и чувства собственнаго достоинства, книга его была принята весьма несочувственно; хвалили ее лишь наиболѣе горячіе сторонники женской эмансипаціи.

Несмотря на тысячелѣтнюю приниженность, японскія женщины пріобрѣли большое вліяніе, благодаря своей привлекательности и душевнымъ свойствамъ. Теоретически ограниченная роль, предназначенная японской женщинѣ, оказалась, въ дѣйствительности, несравненно болѣе значительной. Подобное явленіе, впрочемъ, вообще, нерѣдко въ жизни народовъ. Врядъ ли гдѣ-либо женщины пользуются меньшими правами, чѣмъ въ Кореѣ,—однако, именно въ этой косной странѣ онѣ являются наиболѣе полновластными хозяйками въ своемъ домѣ. Въ Японіи многія женщины сумѣли завоевать себѣ такое же преобладающее положеніе; нѣкоторыя изъ нихъ прославились даже какъ правительницы. Императрица Джинго предприняла тотъ легендарный походъ въ Корею, на удачномъ исходѣ котораго нынѣшніе японцы основываютъ свои притязанія на сосѣднюю континентальную имперію.

Даже въ тѣ времена, когда Кайбара писалъ свой „хорошій тонъ" для японокъ, его сентенціи были направлены по адресу женщинъ лишь высшаго класса,—соотвѣтственно тогдашнему феодальному строю государства. Въ народѣ жены крестьянъ, рабочихъ и ремесленниковъ, трудящіяся наравнѣ со своими мужьями, всегда пользовались большимъ уваженіемъ.

* * *

Въ настоящее время, многіе японцы переняли уже западные нравы, пріучившись, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывать внѣшнее предпочтеніе дамамъ. Обращеніе съ ними измѣняется, соотвѣтственно обществу, къ которому онѣ принадлежатъ и, еще болѣе,—соотвѣтственно костюму, который носитъ японецъ. Одѣтый по-европейски, онъ отдаетъ преимущество дамамъ; облачившись въ національный „кимоно", держитъ себя „вѣнцомъ творенія". Въ переполненныхъ всегда вагонахъ электрической желѣзной дороги въ Токіо, мужчины нерѣдко встаютъ, уступая свое мѣсто вошедшей дамѣ. Если-же ее сопровождаетъ дитя, она можетъ быть увѣрена, что ей немедленно очистятъ мѣсто,—быть можетъ, даже не столько изъ любезности къ дамѣ, сколько изъ расположенія къ дѣтямъ, очень развитого въ Японіи. Предупредительность японскаго кавалера никогда, однако, не простирается такъ далеко, чтобы онъ предложилъ своей дамѣ передать ему какой-либо пакетъ. Не считая обременительныхъ для себя носить свои покупки, японецъ не освобождаетъ отъ нихъ и сопровождаемую имъ даму.

Японскія женщины высшихъ классовъ охотно посѣщаютъ собранія обществъ, засѣданія дамскихъ комитетовъ, школьныя празднества и концерты. Посѣщеніе театра до сихъ поръ считается не вполнѣ приличнымъ.

* * *

Между существующими нынѣ женскими союзами наиболѣе выдѣляются три: патріотическій женскій союзъ, преслѣдующій, преимущественно, благотворительныя цѣли, женское морское собраніе и общество Краснаго Креста. Всѣ три учрежденія имѣютъ очень много членовъ и пользуются покровительствомъ высокопоставленныхъ японокъ. На засѣданіяхъ нерѣдко присутствуетъ императрица, заботящаяся также о школахъ и музыкальной академіи.

Обязательное обученіе, введенное въ Японіи, распространено на оба пола. Кромѣ народныхъ училищъ для дѣвочекъ, имѣется 79 высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній. „Высшее женское училище", зачастую именуемое японскимъ женскимъ университетомъ, не имѣетъ предназначенія служить изученію науки,—программа его ограничивается домоводствомъ, гигіеной, рукодѣліями и т. п. „Музыкальная академія" также названа слишкомъ пышно; это простая музыкальная школа, выпускающая учителей и учительницъ пѣнія, музыки и теоріи. Артистокъ, въ европейскомъ значеніи это слова, почти нѣтъ. Наиболѣе извѣстны сестры Кода, обучавшіяся игрѣ на скрипкѣ у извѣстнаго вѣнскаго виртуоза Іоахима.

Въ патріотическомъ союзѣ и морскомъ собраніи участвуютъ женщины преимущественно зрѣлаго возраста. Молодыя дѣвушки посвящаютъ свою дѣятельность, предпочтительно, Красному Кресту. Многія японки знатнаго происхожденія пополняютъ ряды сестеръ милосердія; дочери императора организуютъ врачебную помощь.

Учительницы всякаго рода, въ особенности, преподающія въ высшихъ школахъ, пользуются большимъ уваженіемъ въ японскомъ обществѣ; таково же, конечно, и отношеніе къ сестрамъ милосердія. Желѣзныя дороги и почтовыя управленія открыли доступъ женскому труду; женщины продаютъ проѣздные билеты, служатъ при телефонахъ, принимаютъ дѣятельное участіе въ печатаніи почтовыхъ марокъ и открытыхъ писемъ. Контингентъ работницъ во всѣхъ областяхъ ручного и фабричнаго труда въ Японіи весьма значителенъ; матеріальное положеніе работницъ, вообще, крайне неудовлетворительно. Въ этомъ отношеніи Японія также ничѣмъ не уступаетъ Америкѣ и Западной Европѣ.

Соотвѣтственно расширившемуся кругу своихъ занятій, японскія женщины развили въ себѣ чувство самостоятельности и нѣкоторой иниціативы. Однако, и онѣ еще не доросли до устраненія позорной язвы общества—проституціи. Бродячія жрицы Венеры,—„іотака", какъ зовутъ ихъ японцы,—попадаются рѣже; зато процвѣтаетъ проституція въ спеціально посвященныхъ ей учрежденіяхъ.

Тѣмъ не менѣе, обязательное общее образованіе настолько повысило умственный уровань японской женщины, что всѣ побѣды японцевъ могутъ быть приписаны, въ значительной степени, ея вліянію.

Какъ говорятъ въ дѣтской.

Искаженіе и порча языка,—этого сокровища, о сохраненіи котораго такъ убѣдительно писали Пушкинъ и Тургеневъ, — начинаются съ дѣтской.

Сюсюканье, пришепетыванье, проглатыванье начала словъ, отсѣченіе ихъ окончаній,—не говоря уже о невѣроятномъ этимологическомъ измѣненіи и синтаксическомъ сопоставленіи частей рѣчи,—зачастую прививаются дѣтямъ на всю жизнь невѣжественными кормилицами, няньками и даже самими родителями, забавляющимися „милымъ лепетомъ" своихъ маленькихъ тирановъ и любимцевъ.

Это сознавали уже въ древности. Квинтиліанъ внушалъ родителямъ, которые желаютъ, чтобы изъ ихъ дѣтей вышли хорошіе ораторы, старательно выбирать кормилицъ, правильно владѣющихъ устною рѣчью. Предписаніемъ этимъ начинается его трактатъ объ ораторскомъ искусствѣ.

Греческій историкъ Геродотъ приводитъ разсказъ, ярко иллюстрирующій силу подражательности у дѣтей. Египтяне воображали, что они древнѣйшій народъ на землѣ. Когда на египетскій престолъ взошелъ Псамметихъ и пожелалъ провѣрить, какой народъ, дѣйствительно, всѣхъ древнѣе, онъ прибѣгнулъ къ своеобразному средству. Фараонъ приказалъ взять у какихъ-либо родителей двухъ новорожденныхъ дѣтей и передать ихъ пастуху, пасущему козъ, съ повелѣніемъ воспитывать ихъ такъ, чтобы въ ихъ присутствіи ни одинъ человѣкъ не произносилъ ни слова. Дѣти, подвергнутыя курьезному лингвистическому эксперименту, были помѣщены въ отдѣльное строеніе, куда пастухъ обязанъ былъ въ опредѣленное время приводить козъ, молокомъ которыхъ вскармливались его питомцы. Кормленіе производилось въ совершенномъ безмолвіи. Псамметихъ придумалъ все это, чтобы узнать, какое слово первымъ произнесутъ дѣти, когда пройдетъ время безсвязнаго лепета. По истеченіи двухъ лѣтъ, дѣти подбѣжали однажды къ пастуху, какъ только онъ раскрылъ дверь ихъ помѣщенія, и стали кричать, протягивая къ нему руки: „бекосъ! бекосъ!" Убѣдившись, что оба питомца повторяютъ этотъ возгласъ безъ всякаго измѣненія каждый разъ, когда его видятъ, пастухъ повелъ ихъ къ Псамметиху. Фараонъ приказалъ разслѣдовать, къ какому языку принадлежитъ мнимое слово „бекосъ". Такой языкъ, конечно, нашелся. Оказалось, что по-фригійски „бекосъ" означаетъ „хлѣбъ". Изъ этого опыта Псамметихъ заключилъ, что древнѣйшій народъ на землѣ—фригійцы.

Между тѣмъ, слово „бекосъ", какъ нетрудно догадаться, возникло простымъ путемъ звукоподражанія. Воспитанники пастуха переняли „языкъ" у своихъ четвероногихъ кормилицъ.

Искажая слова разговорной рѣчи, взрослые нерѣдко ссылаются на необходимость примѣниться къ дѣтскому выговору, — чтобы маленькіе легче понимали и, вообще, говорили охотнѣе. Въ дѣйствительности, однако, такой пріемъ только замедляетъ лингвистическое развитіе ребенка, такъ какъ каждый взрослый искажаетъ языкъ по-своему. Нетрудно убѣдиться, что искусственное „умаленіе себя" совершенно не нужно, чтобы объясняться съ дѣтьми. Маленькій Саша отлично пойметъ, если его спросить: „Хочетъ Саша кашки?" Тотъ же вопросъ, на жаргонѣ дѣтской, превращается въ диковинную фразу: „хосетъ Саса каски?" Не ограничиваясь искаженіемъ языка въ обращеніяхъ къ самому ребенку, окружающіе его взрослые разговариваютъ при немъ на такомъ же варварскомъ діалектѣ и между собою. Восхищающимся собственными дѣтьми мамашамъ и сонму ахающихъ тетушекъ все, что изойдетъ изъ устъ ихъ маленькихъ фаворитовъ, представляется верхомъ изящества. Вмѣсто того, чтобы поправлять ошибки выговора и рѣчи дѣтей, онѣ сами заимствуютъ у нихъ всяческое лингвистическое кривлянье и „жантильничанье".

„Наденька говорила еще недавно такъ мило",—съ восторгомъ разсказываетъ не въ мѣру чадолюбивая мамаша случайному гостю при присутствующей тутъ же дочери, и приводитъ рядъ примѣровъ изъ ея уже полузабытаго діалекта. А Наденька, если и избавилась отъ младенческаго коверканья словъ, однако, изобильно уснащаетъ свою рѣчь оборотами, занесенными въ дѣтскую изъ людской и кухни.

Прискорбнѣе всего, что дѣти пріучаются,

такимъ образомъ, не къ народному говору, развивающемуся органически, а къ искаженному языку городского простонародья, придающему способу выраженія мыслей специфическую пошлость.

Бороться съ этимъ явленіемъ возможно лишь посредствомъ постояннаго общенія образованныхъ родителей съ ихъ дѣтьми. Но возможно-ли оно при низкомъ уровнѣ женскаго и, вообще, всяческаго образованія въ Россіи?

Для того, чтобы научить дѣтей правильному пользованію языкомъ, необходимо, конечно, чтобы вся окружающая подростковъ среда была подвинута впередъ по пути къ собственному развитію. Вопросъ о женскомъ образованіи тѣсно связанъ съ общею постановкою просвѣщенія въ странѣ, а послѣднее—со всею совокупностью экономическихъ и культурныхъ условій, при которыхъ протекаетъ жизнь народа. Въ настоящее время выяснено уже съ наглядною очевидностью, что и эти условія неотдѣлимы отъ правовыхъ нормъ и политическихъ установленій, дающихъ направленіе всей народной жизни. Такимъ образомъ, даже въ вопросѣ, столь отдаленномъ отъ волнующихъ всю Россію „злобъ дня", какъ обученіе дѣтей родному языку,—мы неизбѣжно наталкиваемся на тѣ же нестроенія, отъ которыхъ страдаютъ всѣ области нашего государственнаго организма.

Немалое вліяніе на укорененіе неправильностей юношескаго говора, воспринятыхъ въ дѣтской, оказываетъ и наша спеціальная „дѣтская литература". Почитайте хотя бы наши дѣтскіе журналы. Васъ съ первыхъ же строкъ поразитъ явное стараніе сочинителей и сочинительницъ подладиться подъ говоръ маленькихъ читателей. Изобиліе уменьшительныхъ словъ, ласкательно-слащавыхъ оборотовъ, придаетъ изложенію отпечатокъ дѣланности, искусственности, приторной сантиментальности. Общее впечатлѣніе таково, что невольно возникаетъ мысль о желательности полнаго упраздненія спеціальной „дѣтской литературы",—подобно тому, какъ постепенно упраздняются разныя „ограничительныя" законоположенія.

Что мысль эта вовсе не парадоксъ, доказываютъ наиболѣе излюбленныя дѣтьми книги. Это сочиненія авторовъ, вовсе не имѣвшихъ въ виду спеціальной, недоразвившейся аудиторіи. „Донъ-Кихотомъ" восторгаются одинаково и взрослые, и дѣти. „Робинзонъ Крузе", „Тысяча и одна ночь", „Путешествія Гулливера" Свифта и даже „Павелъ и Виргинія" сантиментальнаго Бернардена де-Сенъ-Пьера—лишь по волѣ переводчиковъ, передѣлывателей, заимствователей и всякихъ исказителей заняли господствующее положеніе въ дѣтской литературѣ. Списокъ этотъ можно было бы пополнить весьма многими названіями. Считаемъ, однако, достаточно убѣдительною ссылку хотя бы на одно священное писаніе обоихъ завѣтовъ. Одинъ изъ нашихъ критиковъ выразился весьма мѣтко, опредѣливъ, что пригодною для юношества можетъ быть всякая, „отлично написанная" книга. Дѣтямъ надо давать въ руки произведенія только первоклассныхъ писателей, — лучшее, что имѣется въ сокровищницѣ національной литературы. Это не исключаетъ необходимости въ литературно изложенныхъ руководствахъ и учебникахъ, но здѣсь мы сызнова соприкасаемся съ явленіями искусственной регламентаціи, бюрократическаго подбора и противодѣйствія свободному общественному почину. Просто „одобренныя" и сугубо-рекомендованныя книги для школьнаго чтенія и руководства сообразуются, конечно, не съ художественными требованіями относительно языка и не съ просвѣтительными запросами юныхъ поколѣній.

При нынѣшней постановкѣ дѣла, вся эта „дѣтски-ребяческая" литература не можетъ претендовать на исправленіе языка молодежи, испорченнаго уже въ дѣтской.

К. Л.

Тайны гаремовъ.

Каждый домъ въ Константинополѣ, начиная съ пышныхъ дворцовъ, украшенныхъ мраморными колоннами, и кончая самою нищенскою лачугой, обязательно обладаетъ „гаремлыкомъ", т. е. спеціальнымъ помѣщеніемъ для магометанскихъ женщинъ. Помѣщеніе это скрыто отъ нескромныхъ взоровъ; иноземцу рѣдко удается проникнуть въ домашнее святилище турка. Магометанская женщина,—кто бы она ни была, принцесса или крестьянка, — отваживается покидать стѣны гарема лишь закутанная съ ногъ до головы; только весьма преклонный возрастъ можетъ дозволить ей показываться безъ провожатаго. Постороннихъ мужчинъ турки принимаютъ въ „селямлыкахъ", т. е. въ спеціально мужчинами обитаемомъ помѣщеніи, совершенно отдѣленномъ отъ остальныхъ комнатъ дома. Многіе богатые паши располагаютъ даже свои „гаремлыки" и „селямлыки" въ разныхъ строеніяхъ, соединенныхъ аркою или крытымъ ходомъ.

Вопреки весьма распространенному представленію о нечистоплотности обитателей Востока, внушаемому отчаяннымъ санитарнымъ состояніемъ турецкихъ городовъ, внутреннія помѣщенія домовъ у мусульманъ отличаются зачастую педантическою опрятностью. Особенно усердно убираютъ, подметаютъ и моютъ „гаремлыки"; служанки и невольницы работаютъ весь день, подъ наблюденіемъ старшихъ обитательницъ гарема. Работницы снуютъ по комнатамъ его босикомъ, въ простыхъ бумазейныхъ юбкахъ, подоткнутыхъ до колѣнъ. Турецкія женщины считаютъ весьма непристойнымъ показаться мужскому взору съ непокрытыми волосами. Поэтому онѣ обвязываютъ себѣ голову пестрымъ, или чернымъ платкомъ. Около дверей всегда висятъ бѣлыя покрывала, въ которыя поспѣшно закутываются узницы гарема, лишь только заслышатъ шаги приближающагося мужчины. Въ „селямлыкѣ", само собой разумѣется, ни одна изъ женщинъ не смѣетъ проникнуть безъ вуали. Ошибочно было бы предполагать, однако, что всѣ эти предосторожности развили среди магометанъ особенное предрасположеніе къ стыдливости. Въ нихъ сказалась лишь ревность рабовладѣльца, старающагося охранить свое добро отъ посторонняго глаза. Достаточно перелистать бытовые разсказы „Тысячи и одной ночи", чтобы убѣдиться въ ихъ поразительной непристойности. Женщина низведена турками на степень вещи, и весь домашній обиходъ приспособленъ къ тому, чтобы придать этой вещи видъ строго охраняемой собственности.

Соотвѣтственно климату, домашнее одѣяніе турецкой дамы весьма несложно. Нерѣдко оно ограничивается однимъ, широкаго покроя пеньюаромъ изъ мусселина или бумажной ткани; предпочтеніе отдается, обыкновенно, розовой или желтой окраскѣ. Зеленый цвѣтъ присвоенъ лишь потомству пророка, имя которому, впрочемъ, въ данное время—„легіонъ". Чулки считаются сплошь и рядомъ совершенно излишнею принадлежностью туалета. Волосы безпощадно портятъ варварской окраской; шевелюра принимаетъ сначала красивый каштановый или золотистый оттѣнокъ, вскорѣ, однако, испещряемый желтыми, зелеными и сѣрыми пятнами. Пестрые волосы преждевременно выпадаютъ,—и рано облысѣвшей мусульманской красавицѣ остается прибѣгнуть лишь къ помощи тюрбана. Головныхъ щетокъ турчанки вовсе не знаютъ, а гребни употребляются столь грубые, что ими невозможно выполнить сколько-нибудь сложной прически.

Историческій дамскій костюмъ, состоящій изъ шелковыхъ шальваръ, легкой прозрачной рубашечки, широкаго пояса и вышитой куртки, исключенъ изъ гардероба современной турецкой дамы. По торжественнымъ днямъ, въ этотъ не лишенный характерной красоты національный костюмъ, одѣваютъ только невольницъ. Впрочемъ, изнѣженныя прелестницы сераля также иногда рядятся, „по старинному" подъ вліяніемъ случайно навѣянной яко-бы патріотической блажи.

Каждой турецкой дамѣ лестно, чтобы всѣ ея костюмы считались выписанными „прямо изъ Парижа"; мечты обитательницъ гарема направлены къ тому, чтобы „заткнуть за поясъ" всѣхъ пріятельницъ цѣнностью ювелирныхъ украшеній и шелковыхъ тканей. Какія же другія стремленія и могли возникнуть въ такой спертой, умственно и духовно сдавленной атмосферѣ?...

Обладая отъ природы тяжеловѣснымъ, неуклюжимъ тѣлосложеніемъ, турчанки усиливаютъ этотъ недостатокъ пристрастіемъ къ сладкимъ лакомствамъ; при злоупотребленіи ваннами и почти полномъ отсутствіи моціона, фигура ихъ скоро становится неповоротливой и тучной. Собираясь въ гости или готовясь принять чей-либо визитъ, ожирѣвшая турчанка заставляетъ служанокъ зашнуровывать корсетъ изо всѣхъ силъ, безпощадно. Маленькія ноги свои она обуваетъ въ туфли съ очень высокими касками и каблуками. При худыхъ мостовыхъ и крутизнѣ многихъ улицъ Стамбула и Галаты, прогулка разряженной турецкой дамы не лишена извѣстной опасности.

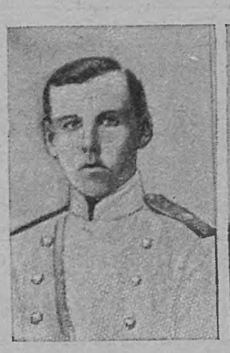
Волосы, для такихъ пріемовъ, обыкновенно подвергаются крутой завивкѣ,—если, конечно, у дамы еще сохранилось это природное украшеніе. Смуглая кожа изобильно присыпается бѣлою пудрой,—что, само собою разумѣется, не исключаетъ предварительнаго раскрашиванія бѣлилами. Глаза подводятся углемъ; пристрастіе къ правдивости не дозволяетъ отрицать и наличности румянъ на туалетѣ „восточной красавицы".

Пестрое шелковое платье современной „гуріи Востока" шьется всегда по послѣдней парижской модѣ.

Туалетъ завершается драгоцѣнными украшеніями; особенно цѣнятся въ Турціи брильянты и очень крупные изумруды.

Поверхъ платья надѣваются накидки, называющіяся „читъ шарфами". „Читъ шарфы" шьются всегда изъ шелка, даже у женщинъ бѣднѣйшихъ классовъ, которыя носятъ свѣтлыя или бѣлыя накидки, тогда какъ знатныя дамы отличаются черною, темносинею или пурпурною ихъ окраской.

Воспитаніе и образованіе турецкой дѣвушки съ вѣками нисколько не подвинулось впередъ. Какъ и слѣдовало ожидать, при общемъ строѣ турецкой жизни, обоснованномъ на грубомъ произволѣ и приниженности соприкосновенія съ европейскою культурой отразилось лишь внѣшнимъ образомъ на мусульманскомъ женскомъ обиходѣ. Турецкія дѣвушки выростаютъ лѣнивыми, праздными и необузданными. Распахивая и приподнимая на улицѣ свои накидки, чтобы прохожіе видѣли, что платье сшито „по франкской модѣ",—

Прапорщикъ 244-го борисовскаго полка **А. Масленниковъ**, раненый подъ Мукденомъ.

Поручикъ 11-го семипалатинскаго полка **М. Болдевскулъ**, раненый подъ Мукденомъ.

Капитанъ 147 самарскаго полка **К. Длусскій**, убитый подъ Мукденомъ.

Сотникъ 2-го дагестанск. полка принцъ **Наполеонъ Мюратъ**, раненый подъ Мукденомъ.

Поручикъ 216 инсарскаго полка **Н. Валуевъ**, раненый подъ Мукденомъ.

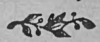

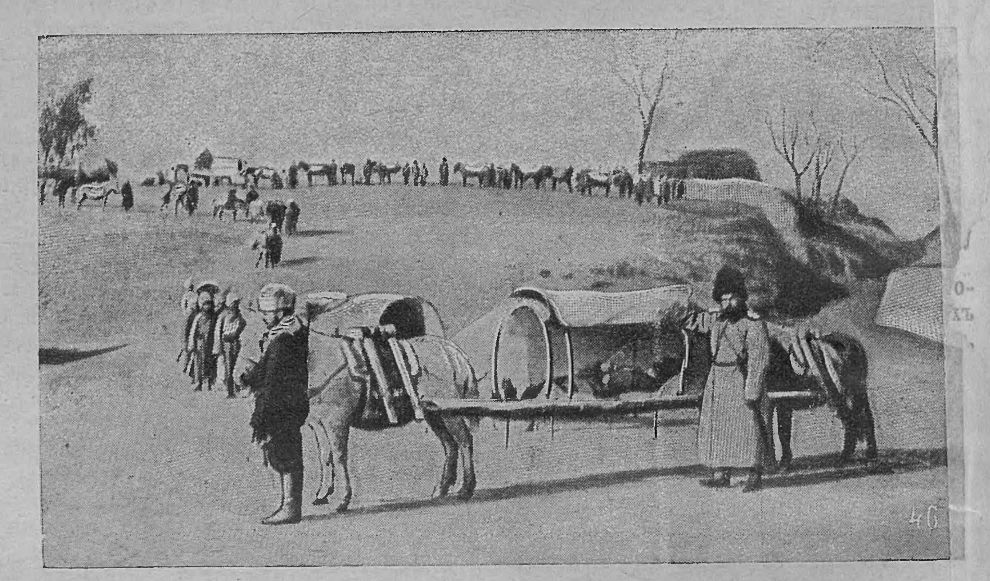
Капитанъ 97-го пѣх. лифляндскаго полка **В. Дебоа**, раненый въ грудь на вылетъ подъ Мукденомъ

тщеславныя турчанки въ глубинѣ души презираютъ „франкскихъ женщинъ“ за то, что тѣ не прикрываютъ своихъ лицъ и пользуются всяческою свободой. Даже бракъ и материнство не повышаютъ въ нихъ сознанія нравственнаго долга и возложенной на нихъ природою серьезной отвѣтственности за воспитаніе новыхъ поколѣній. Сыновья съ дѣтства инстинктивно чувствуютъ это, привыкая къ мысли, что обратиться къ матери за помощью и совѣтомъ, по меньшей мѣрѣ, наивно.

Если таково развитіе свободныхъ турецкихъ женщинъ, то что же остается сказать про несчастныхъ невольницъ? Когда госпожа ихъ принимаетъ визиты, онѣ принуждены простаивать возлѣ нея, въ теченіе иногда нѣсколькихъ часовъ, неподвижно и безмолвно,—подобно вычурно и пестро разодѣтымъ изваяніямъ. И можно, изъ чувства человѣколюбія, лишь радоваться тому, что низкій уровень сознательности избавляетъ ихъ отъ мучительнаго пониманія всего ужаса ихъ положенія.

Состарѣвшись, турецкая женщина не ждетъ себѣ никакой пощады. Она знаетъ, что мужу ея достаточно произнести трижды, въ присутствіи двухъ или болѣе свидѣтелей, установленную формулу,—и разводъ считается осуществившимся. Удержать отъ него можетъ мусульманина только обязательство возвратить отпускаемой женѣ все ея приданое. Такія же грубо-матеріальныя соображенія препятствуютъ многоженству. Современный турокъ рѣдко позволяетъ себѣ имѣть больше одной или двухъ женъ, такъ какъ коранъ обязываетъ содержать всѣхъ женъ совершенно одинаково, не давая никакого преимущества своимъ фавориткамъ. Даже подарки обязательно распредѣлять поровну. Этимъ предписаніемъ корана обитательницы большихъ гаремовъ, не исключая и султанскаго, пользуются для того, чтобы возбуждать непрерывныя свары. Такимъ образомъ, разнообразится гаремная жизнь, перегорая въ замкнутомъ, заколдованномъ кругу ничтожныхъ заботъ и треволненій, не имѣющихъ никакого отношенія къ общественной и правовой жизни всего народа.

Новыя военныя носилки системы Ухачь Огоровича на театрѣ войны.
Съ фотографіи Н. Ольшанскаго, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Герои Портъ-Артура. — Защитники курганной батареи.
Рядомъ съ защитниками жена капитана Н., остававшаяся въ послѣдніе дни на посту вмѣстѣ съ мужемъ.
Съ фотографіи священника І. Д., снятой 26-го декабря и присланной редакціи „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

СПОРТИВНАЯ ВЫСТАВКА.

Въ Парижѣ возникла мысль устроить грандіозную спортивную выставку. Состоялось уже первое собраніе иниціаторовъ этого дѣла, съ бывшимъ министромъ Дюпюи во главѣ. Рѣшено приступить къ подготовительнымъ работамъ по пропагандѣ самой идеи выставки и привлеченію спортивныхъ обществъ и промышленныхъ фирмъ Франціи и заграницы. Съ этой цѣлью избрана комиссія, въ которую вошли представители всѣхъ родовъ спорта: автомобильнаго, велосипеднаго, атлетическаго, фехтовальнаго, воздухоплавательнаго и др. Выставку предполагается открыть въ 1907 г.

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, № 25. Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом.“ С. М. Проппэръ.